
Марк Мацкевич
Развод
с правом
на замок
18+

Марк Мацкевич

Развод с правом на замок

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Развод с правом на замок / М. Мацкевич — «Автор», 2026

Одиннадцать лет назад муж Агнессы Ард уехал ночью, оставив на столе записку в одну строку. Ей остались родовой за́мок на Сизой скале, каменоломня и деревня под ней. За́мок выбрал её сам: греет ей пол, держит тягу в печах и поднимает мост перед всеми, кто ей не нравится. Особенно перед мужем.Теперь Северин вернулся и требует, чтобы она уехала. Почему, не говорит. Агнесса подаёт на развод и требует не денег, а за́мок. Суд велит обоим жить в нём до конца описи, а комнаты открываются, только когда внутри оба. И каждая хранит то, о чём он одиннадцать лет молчал.Он не может сказать, зачем уехал. Дом не пускает его на порог. А до пятнадцатого января всё меньше дней.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мост 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Марк Мацкевич
Развод с правом на замок

Глава 1. Мост

Муж вернулся ко мне в среду, в одиннадцатом часу, когда я стояла в каменоломне и уговаривала скалу отдать ещё одну плиту до снега.

Скала была не против. Против был Тимофей, наш старший резчик, который считал, что сизый камень в мороз ломается не там, где ему велят, а там, где ему обидно.

— Обидно ему, — сказала я. — Мне тоже обидно. Мне за эту плиту в Палате Реестра обещали сорок талеров, а Палата, Тимофей, платит до первого декабря. Сегодня третье.

— Так она и не заплатит, госпожа.

— Заплатит, если плита приедет к ним раньше их письма с отказом.

Тимофей посмотрел на меня, как смотрят на хозяйку, которая одиннадцать лет делает невозможное, и оттого перестаёт его уважать. Потом взял клин.

Я любила каменоломню за то, что здесь всё было честно. Камень либо шёл, либо нет. Он не уезжал ночью, оставив на столе записку из одной строки. Не присылал каждый квартал по пятнадцать талеров, будто я была не жена, а дальняя родственница с больной ногой. Не исчезал. Камень можно было обойти, обстучать и понять. С людьми у меня получалось хуже, поэтому в Сизой скале я разговаривала в основном с камнем и с за́мком, и оба отвечали мне чаще, чем кто-либо ещё.

За́мок стоял над нами, на самой макушке скалы, три башни и мост через расселину, которую все упрямо звали рвом. Сейчас из Северной башни не шёл дым: я не топила её с той самой зимы. Из Часовой шёл тонкий и ровный. Значит, Марфа поставила на кухне тесто и за́мок держит тягу, чтобы не опало. Он был старый, привередливый и добрый ко всем, кого любил. Список был короткий.

Митька, младший сын мельника, вылетел из-за отвала на таком ходу, что поскользнулся на щебне и проехал последние три шага на спине.

— Госпожа! — закричал он снизу. — Там лорд!

— Какой лорд? — спросила я и уже знала какой. Других лордов у Сизой скалы не было.

— Ваш! — Митька сел, отряхнул шапку о колено и сообщил новость, ради которой стоило так бежать: — Лорд Ард едет. Сам. На сером коне. Бородатый. Дядька Ермолай говорит, он, а тётка Ермолаиха говорит, что не он, потому что тот был красивый.

Тимофей уронил клин.

Плита, которую мы уговаривали с утра, треснула ровно по линии, хотя никто её не трогал. Я потом думала об этом много раз и решила, что так оно и было: скала тоже узнала новость первой.

* * *

Я не побежала. Это я помню точно и горжусь этим, как гордятся немногим. Рукавицы снялись не сразу, кожа на морозе задубела и держала пальцы. Я сунула их за пояс, сказала Тимофею, что плиту всё равно повезём, раз она так хорошо раскололась, и пошла наверх по тропе. Обычным шагом. Щебень под сапогами хрустел так же, как вчера. За мной шла вся каменоломня, и тоже обычным шагом, человек двенадцать, как будто им всем вдруг понадобилось в за́мок.

Тропа выходила к мосту с внутренней стороны, а дорога из долины — с внешней. Между ними лежала расселина в шесть саженей шириной и неизвестно сколько глубиной. Деревенские мальчишки когда-то пытались измерить её верёвкой, верёвка кончилась раньше расселины.

Он стоял на той стороне.

Тётка Ермолаиха была права в одном: красивым его теперь назвать было трудно. Одиннадцать лет назад он уехал гладко выбритым, с волосами до воротника и с привычкой улыбаться так, будто все вокруг давно перед ним извинились. Теперь у него была борода, короткая, с проседью у рта, и волосы, остриженные коротко, по-военному или по-нищему. Дорожный плащ чужого кроя сидел на нём так, как сидят чужие вещи. От немолодого серого коня шёл пар. Улыбки не было.

Дядька Ермолай был прав во всём остальном. Это был он. Тело узнало его раньше, чем я успела решить, узнаю я или нет: по тому, как он держит повод левой рукой, а правую кладёт на бедро, как будто ему всегда немного неудобно, что у него есть руки.

Мост был опущен. Я опустила его утром сама, когда уходила в каменоломню, и он лежал через расселину тяжёлым дубовым языком, обитым железом, в инее по краям.

Северин тронул коня.

Цепи зазвенели раньше, чем копыто коснулось первой доски. Вороты в надвратной башне, которые двое мужиков крутят полчаса, повернулись сами, легко, с длинным довольным скрипом, как кот потягивается. Мост встал на дыбы и пошёл вверх. Конь шарахнулся, Северин удержал его, и мост захлопнулся перед ними, как ворота, с таким грохотом, что с карниза Часовой башни слетели все голуби разом.

На моей стороне кто-то хрюкнул. Потом засмеялся Митька, звонко и от души, потом засмеялись все. Тимофей смеялся, держась за живот. Марфа выглянула из калитки в фартуке и засмеялась тоже, не зная ещё, над чем.

Я не смеялась. Я положила ладонь на камень надвратной башни. Камень был тёплый, как печь, и мелко гудел.

— Ну, — сказала я ему тихо. — Ну, ну. Тише.

Гул не стих. За́мок был очень доволен собой.

* * *

Разговаривать пришлось через расселину. Шесть саженей не так много, если не надо говорить ничего важного, и слишком много, если надо.

— Агнесса, — сказал он.

Голос у него остался прежний. Это было нечестно. Всё остальное он поменял, а голос привёз тот же, низкий, с хрипотцой на конце, и моё имя звучало в нём так, будто он произносил его всё это время каждый день, просто не вслух.

— Лорд Ард, — сказала я. — Вы, кажется, ошиблись дорогой. Постоялый двор в деревне, у мельницы. Там вам будут рады больше.

По моей стороне прошёл одобрительный шорох. Я не оглянулась, но знала, что Марфа кивает.

Он посмотрел на поднятый мост, на цепи, на голубей, которые всё ещё кружили над Часовой башней и не решались сесть.

— Давно он так? — спросил он.

— Одиннадцать лет, — сказала я. — С вами — одиннадцать лет. Со мной у него всё хорошо.

Я ждала, что он скажет что-нибудь. Что виноват. Что не мог написать. Что его держали в плену, или он болел, или потерял память, или женился на другой, — что угодно, за что можно было ухватиться и ненавидеть как следует, обеими руками. Я одиннадцать лет придумывала ему оправдания и за это же его ненавидела, потому что придумывала их я, а не он.

Он сказал:

— Тебе нужно уехать из за́мка до Поворота года.

Я не сразу поняла слова. Ветер с расселины всегда подхватывает звук, и мне показалось, что я ослышалась.

— Что?

— До Поворота года, — повторил он ровно. — Я куплю тебе дом в городе. Хороший, с садом. Или в столице, если хочешь. Дам денег, сколько скажешь. Тебе нужно уехать отсюда.

За моей спиной стало очень тихо. Даже Митька перестал шмыгать носом.

— Мне нужно, — сказала я.

— Да.

— Одиннадцать лет мне ничего не было нужно. Ни писем, ни объяснений. Пятнадцать талеров в квартал, и тех хватало. А теперь вам пришло в голову, что мне нужно уехать.

Он чуть дёрнул щекой, будто я попала куда-то больнее, чем целилась.

— Я не могу объяснить, — сказал он.

— Не можете или не хотите?

— Не могу.

— Тогда я не могу уехать, — сказала я. — Видите, как удобно. Мы оба ничего не можем.

— Неся.

Так меня никто не звал одиннадцать лет. Так меня вообще никто никогда не звал, кроме него, потому что это было дурацкое имя, придуманное в первую неделю, когда мы оба были молодые и глупые и казалось, что впереди у нас куда больше недель.

— Не смейте, — сказала я.

Над его головой с карниза надвратной башни сорвалась сосулька длиной в локоть и воткнулась в снег у самых конских копыт. Конь присел. Северин даже не посмотрел вниз.

— Агнесса, — поправился он. — Я прошу.

— Вы одиннадцать лет не просили.

— Я знаю.

— Нет, — сказала я. — Вы не знаете. Вы не знаете, сколько стоит плита сизого камня, и кто чинил крышу Голубятни после бури позапрошлой осенью, и как зовут мельникова младшего, и почему в Северной башне не топят. Вы не знаете ничего, лорд Ард. Поэтому я никуда не поеду. Хотите за́мок — попросите его сами. Вон он. Очень вам рад.

Мост, словно в доказательство, лязгнул цепями.

Северин долго смотрел на меня через расселину. Я думала, он развернёт коня. Он всегда так делал, когда спор заходил туда, где нужно было что-то сказать: не спорил. Он уходил, тихо и вежливо, и возвращался через час с цветами или с починенной полкой, как будто это одно и то же. Я была готова к тому, что он уйдёт.

Он не ушёл. Он спешился, неторопливо, как у себя во дворе, отвёл коня к придорожному камню, накинул повод, а сам сел на этот камень, лицом к мосту.

— Я подожду, — сказал он.

— Чего?

— Пока ты передумаешь. Или он.

— Здесь холодно.

— Я заметил.

Я развернулась и пошла к калитке. Народ расступился передо мной так быстро, будто его сдуло. Марфа придержала мне калитку и шепнула:

— Тесто, госпожа, опало. Всё равно опало.

Я сказала, что тесто — это ничего, тесто можно поставить заново, и пошла на кухню ставить его сама, потому что руки надо было чем-то занять.

Кухня в Сизой скале была самой тёплой комнатой за́мка и самой честной. Здесь не было портретов, гобеленов и дубовых кресел, в которых никто не сидел со времён старого лорда. Были печь, от которой горели щёки, длинный стол, выскобленный до белизны, медные кастрюли и два окна, одно во двор, другое на внешнюю сторону, на дорогу. Я встала спиной к этому окну и месила долго: мука пахла сухо и спокойно, тесто давно перестало липнуть к

пальцам, и я давила его костяшками, пока Марфа не забрала у меня миску и не сказала, что тесто уже сдалось, а я всё воюю.

— Он сидит, — сообщила она, глядя мне за плечо.

— Пусть сидит.

— Мельничиха ему кружку горячего вынесла. Через мост-то не пройти, так она по тропке, по той стороне. Вынесла и стоит, разговаривает.

— Мельничиха всем кружки выносит. Она и сборщику податей выносила.

— Сборщику не выносила, — сказала Марфа справедливо. — Сборщику она плюнула в шапку.

Я поставила миску под полотенце и наконец посмотрела в окно.

Он сидел на том же камне. Снег, который с утра только собирался, теперь шёл всерьёз, мелкий и колючий, и на плечах его плаща уже лежало белое, как эполеты. Мельничиха, маленькая и круглая, стояла рядом, и он что-то ей говорил, а она кивала. Потом она засмеялась, махнула на него рукой и пошла обратно по тропке, оглядываясь.

Над его головой, на карнизе надвратной башни, медленно съехал пласт снега. Съехал, подумал, повисел на краю и рухнул ему на голову и плечи разом.

Марфа охнула. Северин поднялся, отряхнулся, снял шапку, выбил её о колено и сел обратно. Даже не посмотрел наверх.

— Ну и упрямый, — сказала Марфа с уважением. — Весь в покойного лорда.

— Покойный лорд был упрямый по делу, — сказала я. — А этот просто сидит.

Но я смотрела ещё долго. Дольше, чем хотела.

Почти двенадцать лет назад он так же сидел на этом камне. Ждал меня, когда я, двадцатипятилетняя дура в новых сапожках, бежала из деревни, а мост был опущен, и никто ни над кем не смеялся. Мы тогда были женаты четыре месяца. Он ждал меня с ярмарки, сидел на камне и строгал палку, и, когда я подбежала, сказал, что ни за что не скажет, какую, потому что это сюрприз. Это была ручка для моей сковороды, старая отвалилась. Сковорода до сих пор висела у Марфы над печью. Я почему-то не могла заставить себя на неё посмотреть.

К сумеркам деревня разошлась, и стало слышно ветер в расселине. Сначала ушли резчики, потом мальчишки, последним Тимофей, который долго стоял у калитки, мял шапку и, кажется, хотел мне что-то сказать. Не сказал. Митька прибежал уже затемно и доложил, что лорд пошёл в деревню, на постоялый двор у мельницы, и что дядька Ермолай ставит три медяка на то, что лорд придёт завтра, а тётка Ермолаиха ставит пять, что не придёт.

— А ты? — спросила я.

— А я на мост, — сказал Митька. — Что мост не пустит.

— Умный мальчик, — сказала я и дала ему пирожок.

Потом я обошла за́мок, как обходила каждый вечер одиннадцать лет. Железо засовов холодило пальцы, и я проверила каждый, хотя за́мок проверял их лучше меня и знал это. Печи в Часовой башне отдали ладони ровный сухой жар. От двери в Северную, которую я не открывала с той зимы, тянуло нежилым холодом; я постояла и пошла дальше. Камень под ладонью везде был тёплый и тихо гудел, довольный, как кот, поймавший мышь.

— Ты не понимаешь, — сказала я ему на лестнице. — Он теперь будет приходить каждый день.

За́мок не ответил. Под ногами чуть сильнее потеплело, будто он говорил: ну и пусть приходит, мост-то у меня.

На втором этаже было тепло, как всегда: за́мок держал тепло для меня, как держат для кого-то кресло у огня. Я прошла коридор и остановилась у нашей двери.

Я не открывала её с той самой зимы. Я говорила себе, что мне всё равно. Я говорила это Марфе, Тимофею, мельничихе, батюшке, когда он был ещё жив, и даже за́мку, хотя за́мок

понимал всё лучше меня. Мне всё равно. Он уехал, я осталась, у меня каменоломня, мост, деревня, сорок талеров с Палаты. Мне всё равно.

За дверью, я знала, его книга так и лежит на подоконнике, раскрытая на той странице, где он остановился. Одиннадцать лет. Я ни разу её не закрыла.

Вот тогда я разозлилась по-настоящему. Не на него. На себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.